

Мари-Жанна Леритье
де Вилландон

ТЁМНАЯ БАШНЯ И СВЕТЛЫЕ ДНИ 1706 СКАЗКИ

18+

Мари-Жанна Вилландон

Тёмная башня и светлые дни

<https://litres.ru/74595289>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пленённый Ричард Львиное Сердце и его верный друг Блондель коротают дни в тёмной башне за рассказами. В «Рикдене-Рикдоне» чудесный дар оборачивается опасным договором; в «Одеянии искренности» придворная ложь подвергает испытанию талант и мужество молодой художницы. Сказки

Мари-Жанны Леритье де Вилландон соединяют волшебство, любовную интригу и сатиру. Полный перевод словесного текста по изданию 1706 года сохраняет авторское предисловие, стихи и единое обрамление. Издание предназначено для взрослого читателя.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	4
Король Ричард — её светлости госпоже герцогине Немурской	7
Предисловие автора	9
Песня на провансальском языке, начало которой принадлежит Блонделю, а конец — королю Ричарду	20
Песня на старинном французском языке, называемом романским. Эта песня принадлежит Блонделю де Нелю	21
Песня короля Ричарда во время его заключения. Эта песня написана на романском языке	22
Тёмная башня и светлые дни	27
Рикден-Рикдон	50
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Мари-Жанна Леритье де Вилландон Тёмная башня и светлые дни

Предисловие к русскому изданию

Дорогой читатель!

В старой башне томится пленённый король. Его верный друг странствует по чужой земле, надеясь найти государя, и берёт с собой песню, которую они знают вдвоём. Так начинается «Тёмная башня и светлые дни» Мари-Жанны Леритье де Вилландон. Найденный голос ещё не открывает тюремных дверей, но возвращает узнику собеседника. Время ожидания наполняется рассказами: о девушке, которой обещано чудесное мастерство, и о придворных, готовых восхищаться тем, чего они не видят.

Книга впервые вышла в Париже в 1705 году. В основу этого перевода положено амстердамское издание Жака Деборда 1706 года: две части, объединённые историей Ричарда Львиное Сердце и Блонделя де Неля. Обе сказки — «Рикден-Рикдон» и «Одеяние искренности» — сохранены вместе с об-

рамляющим повествованием, стихотворным посвящением, авторским предисловием, песнями и нравоучениями. Леритье прерывает рассказ появлением двух новых пленников; русский текст заканчивается в той же точке.

Леритье приглашает читателя поверить, будто сказки восходят к сочинениям самого Ричарда и были собраны средневековым книжником Жаном де Сорелем. В её предисловии перечисляются историки, обсуждаются старинные языки и приводятся стихи. Эти учёные подробности входят в замысел книги. Авторские утверждения переданы в переводе, но не превращены в современные доказательства происхождения сказок. Особенно осторожно следует читать приписывания песен: одна из процитированных строф известна как произведение трубадура Блакаца.

Под сказочными приключениями здесь различимы заботы человека, живущего среди чужих мнений. Чем отличается настоящий талант от обещания лёгкого успеха? Почему ложь охотно поддерживают те, кто боится потерять уважение? Может ли женщина получить образование, работать и заслужить признание, если её способности заранее отвергают? Розани и Эрминия отвечают на эти вопросы поступками, а окружающие их персонажи далеко не всегда готовы принять ответ.

Перед вами две старинные французские сказки с обрамляющим повествованием в полном переводе. Издание адресовано взрослому читателю.

Стихи переданы смысловым нерифмованным стихом с сохранением состава строф. В старинных песнях встречаются повреждённые и расходящиеся чтения. Одна строка, «Si bel trop affansia», оставлена на языке источника с кратким примечанием: надёжного толкования для неё нет и в привлечённом критическом издании. Скрывать такую неясность вымышленной русской строкой было бы нечестно перед читателем. Авторские примечания обозначены отдельно от пояснений русского издания.

В настоящем русском выпуске сохранены все тексты песен, но пять нотных листов исторического издания не воспроизводятся. Поэтому полнота перевода относится к словесному тексту книги, а не к её нотному приложению.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Пусть эта встреча со старинной книгой подарит вам радость, а её герои напомнят: даже маленькое доброе дело может изменить чью-то судьбу.

2026 год.

Король Ричард — её светлости госпоже герцогине Немурской

Послание

Просвещённая принцесса, возвышенная душа!
Пред вами я — король Ричард,
Пришедший ныне с вами поделиться
Всем, что создали проза и стихи мои.
Хотя один из ваших предков, всеми чтимый,
Я говорю о славном Дюнуа,
Был грозным воином, губительным для англичан;
Хотя над государем моего он рода торжествовал,
Мне блеск достоинств ваших столь же дорог.
И во дворец ваш я, у всех перед глазами,
Как ваш собрат, причастный свету Парнаса,
Пришёл просить вас, принцесса, о дружеском союзе.
Как вы, люблю я повести истории
О нынешних временах и о минувших веках;
Как вы, из памяти своей
Ни одного её примера не изгладил.
Как вы, талант и достоинства ценя,
Я добродетели отдал предпочтенье.
В благих склонностях, столь благородных,

Да, мы сходнее, чем вам может мниться.
Быть может, скажете: среди военных бурь
Я больше проявил бесстрашия, чем вы.
Но, не вверяя жизнь превратностям сражений,
Вы нам достаточно явили твёрдость духа.
Героическая добродетель ваша, вечно светлая,
Венчает вас сотней лавровых венков;
И, не питая страсти к битвам,
Вы, принцесса, славою сияете не меньше,
Чем величайшие из воинов земных.
Во имя Муз и мудрости Минервы
Позвольте нам союз заключить,
Который сохранится на все времена,
Исполненный усердия, пыла, постоянства.
Под добрыми предзнаменованиями
Примите ныне плоды моих учёных досугов,
Сказки мои и стихи, столь славные когда-то,
Которые одна из ваших почитательниц
Для вас на языке французском изложила.
И благосклонно примите залог
Моего почтения и её усердия.

Примечание автора. Это послание было написано госпоже герцогине Немурской мадемуазель л'Э***, когда та посылала принцессе изображение короля Ричарда вместе с его сочинениями, приспособленными к современному вкусу и представленными здесь в таком виде.

Предисловие автора

Военные подвиги вписали имя Ричарда Первого, короля Англии, в историю, и мало кто не знает великих деяний, совершённых им благодаря своей доблести и отваге. Но если бесстрашие этого завоевателя всем хорошо известно, то о его глубокой учёности и редких дарованиях в изящной словесности знают далеко не столь много. Между тем он и в самом деле одинаково хорошо писал стихами и прозой. Многие знаменитые историки высоко отзываются о его красноречии: особенно ярко оно проявилось на Вормсском сейме, перед которым Ричард произнёс столь трогательную речь о своих несчастьях и о перенесённых несправедливостях, что исторг слёзы даже у врагов.

Но если многие историки упоминают о счастливом даре этого государя — красноречиво и изящно говорить перед собранием о важных предметах, — немало находится и таких, которые рассказывают о его способности обращать свой ум к предметам приятным. Он написал множество нежных и остроумных стихов, а также сочинил различные сказки и небольшие любовные истории, которые в ту пору называли фавлио. Все эти произведения пользовались большим успехом в двенадцатом веке, когда жил Ричард, и были не менее знамениты в тринадцатом; им подражали даже многие трубадуры^{А1}. Они получили такое распространение во Франции,

Англии и Провансе, что их наизусть рассказывали в обществе. Однако учёные любители галльской старины сходятся в том, что никогда не видели полного собрания сочинений этого государя, относящегося к одному из этих двух веков: по-видимому, сочинения его ходили лишь по отдельности, разрозненными произведениями. Но у некоторых из этих учёных, которым больше повезло, имеется рукопись под заглавием: «Хроника и фаблио сочинения Ричарда, короля Англии, вновь собранные и вместе соединённые трудами Жана де Сореля в лето 1308». Эта рукопись, датированная восьмым годом четырнадцатого столетия, содержит прежде всего рассказ о жизни и главных деяниях короля Ричарда, написанный им самим. Государь весьма сдержанно говорит в нём о своих завоеваниях, сообщает немало любопытного и особенно старается доказать, что отказался жениться на принцессе Аликс, или Алазии Французской, сестре Филиппа Августа, вовсе не по легкомыслию. Но, оправдывая разрыв этого брака, он тщательно избегает всего, что могло бы оскорбить принцессу, которую, однако, не пощадила молва, хотя она и была совершенно невиновна во всём, что ей приписывали. За историей короля Ричарда в рукописи следуют несколько сказок и небольших любовных новелл, объединённых тем же названием — «Фаблио». Всем этим произведениям предпослано обращение Жана де Сореля, в котором он рассказывает читателям о трудах и тщательности, с какими собирал сочинения, рассеянные у разных авторов и

в разных книгах. Он заявляет, что с великим удовольствием представляет это так заботливо составленное собрание, желая вдохновить одарённые умы своего века; ибо, по его словам, всё вышедшее из-под пера великого короля Ричарда служит истинным образцом доброй поэзии и изящной выдумки.

Один учёный, безгранично любознательный во всём, что касается галльской старины, владел рукописью, о которой я только что говорила, и любезно предоставил мне это редкое сочинение, разыскать которое чрезвычайно трудно. Из этой рукописи я и извлекла сказки короля Ричарда, которые ныне представляю публике под названием «Английские сказки». Нетрудно понять, что я называю их так потому, что они были сочинены королём Англии.

Что же касается истории этого государя, отрывки из которой будут перемежаться со сказками его сочинения, вложенными мною в его уста, то я почерпнула её не только из того, что написал он сам, но и у французских, английских, нормандских и провансальских историков, рассказавших о нём наиболее подробно и достоверно. Я с величайшим вниманием прочла всё, что писали о нём д'Аржантре, Катель, дю Тийе, Сент-Март, Мариана, Бельфоре, Дюшен, Мезере и многие другие. Я не забыла ни большую Английскую хронику, ни хронику Прованса; прочла я и весьма старинную рукопись безымянного автора, чьи сообщения о короле Ричарде во многом совпадают с тем, что сам король написал о се-

бе в рукописи Жана Сореля. Фоше, столь учёно писавший о французских древностях, рассказывает в своей книге о старинных французских поэтах, каким удивительным образом Блондель разыскал темницу короля Ричарда. Однако этот учёный, обыкновенно весьма точный в своих рассказах, в данном случае не вполне соблюдает точность: хотя он и упоминает двух поэтов по имени Блондель, но смешивает Блонделя де Неля, дворянина знатного происхождения, с другим Блонделем, который был всего лишь музыкантом. И хотя Фоше упоминает провансальскую песню, которую Блондель и король Англии сочинили вдвоём, он не приводит этой знаменитой песни, тогда как она есть и в хронике короля Ричарда, и в рукописи безымянного автора.

Провансальский язык одно время был в Европе столь же в моде, как впоследствии итальянский. Этот старинный провансальский язык считался весьма подходящим для выражения нежных чувств: не было человека, который желал бы писать стихи или просто любил поэзию и не изучал бы этого языка. Хотя романский язык^{A2}, на котором тогда говорили во Франции, не обладал таким изяществом, как провансальский, он был распространён по всей Европе не меньше. По свидетельству Фоше и многих других авторов, удивительно было видеть, как широко он разошёлся по свету. С тех пор как Вильгельм Завоеватель утвердился в Англии, и до самого царствования Эдуарда Третьего все знатные люди и все учёные этого королевства неизменно говорили на романском

языке; на нём даже составляли все судебные акты. Король Ричард владел им в совершенстве, и удивляться этому не приходится: как я только что сказала, в Англии на нём говорили хорошо; вдобавок Ричард родился и был воспитан во Франции, где говорили ещё лучше.

До двадцать четвёртого года своей жизни и даже дольше, когда Ричарда ещё именовали герцогом Гиени, он провёл более половины своих дней при французском дворе. Он был связан с Филиппом Августом столь тесной дружбой, что едва ли когда-либо видели подобный союз двух государей столь высокого положения. Но наконец некоторые обстоятельства, государственные интересы и соперничество разорвали узы этой прекрасной дружбы; впоследствии между двумя великими королями возникло столько же неприязни и раздора, сколько прежде было взаимного уважения и доверия.

В продолжении сочинения, первый том которого я здесь предлагаю, читатель найдёт рассказы о некоторых событиях, вызванных переменами в настроениях этих государей. Но хотя я внимательно старалась верно изобразить деяния этих героев и даже приложила немало труда, чтобы согласовать встретившиеся мне у разных авторов противоречия в истории и хронологии их времени, я не ручаюсь за бесспорную достоверность каждого приведённого факта: довольно того, что ни один из них не сообщён без опоры на какого-либо историка. Я знаю: мне могут сказать, что «Тёмная башня» — всего лишь развлекательное сочинение, и потому читателя мало занимает, с такой ли уж точностью я следовала истине. Но пусть лучше меня упрекнут в излишне добросовестной приверженности истории в сочинении, которое я предлагаю лишь как своего рода роман, чем обвинят, подобно некоторым историкам, в безжалостном искажении прошлого.

го. Я полагаю, что писать исторические романы менее предосудительно, чем сочинять романические истории.

Впрочем, если я не дала титула королевы французской принцессе, которую одни историки называют Алой, другие Аликс, а третьи Алазией, то вовсе не оттого, что мне было неизвестно: в течение некоторого времени дочерей французских королей было принято именовать королевами. Констанцию, сестру Людовика Молодого и жену Раймунда, графа Тулузского, называли королевой Констанцией. Но нет полной уверенности, что этот титул ещё давали дочерям Людовика Молодого; совершенно же достоверно, что его уже не носили ни принцесса Мария, дочь Филиппа Августа, ни принцесса Елизавета, дочь Людовика Льва и сестра святого Людовика. Поскольку о времени прекращения этого обычая нет полного согласия, я, не желая смущать читателей и имея в пример многих историков, не называвших королевой Аликс, или Алазию, сестру Филиппа Августа, даю ей, говоря о ней самой, лишь титул принцессы. Если же я именую её королевой Алазией, то потому, что некоторое время её называли королевой Англии: она была помолвлена с Ричардом, королём этой страны. Но когда брак расстроился и Алазия вышла замуж за графа Понтье, её стали именовать только графиней Понтье.

Я знаю также, что некоторые историки утверждают, будто король Ричард женился в Мессине, прежде чем отправиться на Восток; другие полагают, что это произошло в Лими-

со, после завоевания Кипрского королевства; третьи, наконец, уверяют, что он вступил в этот союз лишь по возвращении из Палестины и из плена. Там, где историки расходились, я выбирала из их мнений те, которые казались мне более подходящими для моего замысла. Я стремлюсь как можно лучше познакомить читателей с необыкновенными особенностями жизни и характера Ричарда Львиное Сердце, которого не следует смешивать с Ричардом Бесстрашным, герцогом Нормандским, послужившим героем стольких грубых вымыслов.

Учёный автор, выпустивший в 1702 году «Историю Филиппа Августа», весьма благоприятно отзываясь о короле Ричарде, хотя тот своими завоеваниями и стал соперником знаменитого короля, чью историю он пишет. Этот рассудительный историк всё же отдаёт должное великим достоинствам английского героя.

Но чтобы дать некоторое представление о короле Ричарде тем, кто, читая историю, не обратил особого внимания на характер этого государя, я приведу дословно слова знаменитого историка, чья добросовестность не уступает его точности. Это сир де Жуанвиль. Рассказав о путешествии королей Филиппа Августа и Ричарда в Святую землю, он продолжает так:

Но король Филипп тотчас возвратился во Францию, а король Ричард остался в Акре, и с ним Генрих Шампанский. Там совершили они против неверных

и сарацин столько славных ратных подвигов, что ими полны все истории. И столь великой доблестью обладал этот король Ричард, что сарацины боялись и страшились его больше, чем какого-либо христианского государя прежде. Так что, когда маленькие дети неверных начинали плакать, матери, желая их унять, говорили: «Тише, вот идёт король Ричард, чтобы забрать вас». И стоило детям услышать имя короля Ричарда, как они тотчас умолкали и больше не плакали. Равным образом турки и сарацины, когда их кони пугались какой-нибудь тени, пришпоривали их со словами: «Уж не думаешь ли ты, что это король Ричард?»»

Этого государя прозвали Львиным Сердцем за его мужество и великодушие. Но если в нём самом блистали доблесть и учёность, то он не меньше ценил их и в других: он осыпал милостями и благодеяниями всех храбрых мужей и всех учёных, которых знал. Поэтому все считали его истинным покровителем словесности. Все сочинённые им фавблио написаны на романском языке; что касается стихов, то одни написаны на этом языке, другие — на провансальском. Все стихи короля Ричарда и Блонделя де Неля я перевела весьма точно. Со сказками государя я поступила далеко не столь строго: не стану повторять здесь причины, побудившие меня к этому, — они объяснены в первом томе настоящего сочинения.

Чтобы доставить удовольствие учёным, я приведу здесь

оригиналы нескольких переведённых мною песен; надеюсь, меня избавят от необходимости приводить их все. Моё предисловие оказалось бы чрезмерно перегруженным, если бы я включила в него оригиналы всех стихов, рассеянных по разным местам этих старинных сказок.

Песня на провансальском языке, начало которой принадлежит Блонделю, а конец — королю Ричарду

Госпожа, ваша красота,
Прекрасные черты,
Любви исполненные очи,
Ваш стройный, дивно сложенный стан —
Всё это сделало меня пленником
Любви к вам, что меня связала.
*Si bel trop affansia*¹
Никогда я вас не покину:
Для меня больше чести
Быть лишь в вашей власти,
Чем если бы другая дала мне с поцелуями
Всё то, чего я от вас желал бы.

¹ Смысл строки неясен. В критическом издании О. Зольтау (1899, с. 241) этот стих также оставлен невосстановленным; здесь сохранено чтение Леритье. [Вернуться к тексту](#)

Песня на старинном французском языке, называемом романским. Эта песня принадлежит Блонделю де Нелю

Когда бы верность ценилась выше измены
И любовь делила награды по праву между достойными,
Я ещё мог бы обрести великую радость.
Но жалость в ней так глубоко уснула,
Что не желает ни убить, ни исцелить меня.

Песня короля Ричарда во время его заключения. Эта песня написана на романском языке

Ни один пленник не расскажет о своей участи
Правдиво, если не заговорит с печалью;
Но для утешения следует сложить песню.
Немало у меня друзей, но скудны их дары.
Позор им, если из-за моего выкупа
Я провёл две зимы в плену.

Пусть знают все мои вассалы и бароны —
Английские, нормандские, пуатевинские, гасконские:
Я не оставил бы их в темнице ради денег.²
Не в шутку говорю я это, а по правде —
Я всё ещё в плену.

² Во второй строфе у Леритье напечатано пять стихов вместо шести: отсутствует строка о самом бедном товарище короля. Ранняя печать Жана Галопа де Шастёя (1624, с. 16) даёт её перед обещанием не оставить товарища в темнице ради денег. В перевод цитаты эта строка не добавлена; смысл оборванной конструкции прояснён сопоставлением. Искажённое «En-son cor» передано как «всё ещё» по ранним вариантам «encor». [Вернуться к тексту](#)

Пусть знают твёрдо, как оно бывает:
У мёртвого и пленного ни друга, ни родни.
Коль ради золота и серебра меня бросают,
Мне тяжело за себя, но за моих людей — ещё сильнее:
После моей смерти им останется укор,
Если они оставят меня в плену.

Не диво, что сердце моё печально:
Мой сеньор вверг моих друзей в мученье.³
Пусть вспомнит он о нашей клятве,
Которую мы вместе дали на святынях.
И знаю я: тогда недолго
Ещё останусь я в плену.

Графиня, вашу высочайшую славу
Да хранит Бог, прекрасная, которую я так люблю
И ради которой пребываю в плену.⁴

Думаю, этих трёх оригиналов достаточно, чтобы удовлетворить любопытство любителей подобных предметов. Из

³ У Леритье, как и в печати 1624 года, говорится о друзьях; в других вариантах песни — о земле певца. В переводе сохранено чтение о друзьях. Упоминание клятвы на святынях также передаёт эту редакцию песни.[Вернуться к тексту](#)

⁴ Обращение к графине и любовный смысл заключения сохранены по цитате Леритье. Они отличаются от распространённой средневековой редакции; текст её предисловия не следует принимать за критическое издание песни Ричарда.[Вернуться к тексту](#)

трёх только что приведённых песен две входят в число пяти, которые читатель найдёт в этом первом томе. По тем, чьи оригиналы здесь представлены, можно судить о точности, с какой я перевела их все. Я выбрала для предисловия именно эти три подлинных текста потому, что один написан на старинном провансальском языке, другой — на романском, а третий сочинён королём Ричардом в то время, когда этот государь уже начинал изнемогать от тоски из-за чрезмерной продолжительности заточения, срок которого он прямо указывает в стихах. В продолжении «Тёмной башни» читатель увидит перевод этой песни, обращённой к прекрасной графине, о которой будет говориться в разных местах сочинения.

В начале предисловия я уже сказала, что многие трубадуры подражали стихам короля Ричарда. Но следует добавить: немало итальянских и французских авторов разных веков, живших после этого государя, создавали не только подражания его сказкам, но и полные их переложения. Правда, они всегда во многом отличались от оригиналов и немало утратили той изящной выдумки, которую так хвалил Жан де Сорель. Некоторые из этих фаблио, или сказок короля Ричарда, можно найти, но уже совершенно искажёнными, даже среди самых презираемых наших романов в синих бумажных обложках. С течением веков эти сказки распространились так широко, что дошли до уст самых простых людей: кормилицы и воспитательницы рассказывали их маленьким детям для забавы, всячески урезая. И когда я прочла рукопись Жана де Сореля, то узнала в ней первоисточники не только многих сказок, безжалостно изуродованных в книгах в синих обложках, но и тех, что рассказывали мне в детстве. Некоторые из них лишь в последние годы были записаны искусными перьями.

Мелодии всех песен, помещённых в этом томе, принадлежат не профессиональному музыканту. Их сочинил господин Шерон де Рошсурс, который соединяет счастливый природный поэтический дар с умением создавать изящную музыку, достойную лучших мастеров этого прекрасного искусства.

Тёмная башня и светлые дни

Английские сказки

Бесстрашный Ричард, король Англии, стократ явивший свою отвагу в Палестине рядом с доблестным Филиппом Августом, королём Франции, и стяжавший новую славу после отъезда этого монарха, был вынужден отправиться обратно в свои владения, почти целиком охваченные раздорами и мятежом. Но, проезжая переодетым через обширные земли Германии, где у него были веские причины скрывать своё имя, государь внезапно исчез, и никто не мог узнать, что с ним стало. Напрасно предводители оставшихся верными ему подданных старательно разыскивали место, где он мог укрыться: никаких известий добыть не удалось. После шестнадцати месяцев бесплодных трудов они почти утратили надежду найти великодушного короля и отказались от дальнейших поисков. Это немало обрадовало его брата, графа Мортена и Ланкастера, тайно поддерживавшего мятежников и скрытыми путями внушившего решение больше не разыскивать Ричарда.

Один лишь учёный Блондель де Нель не мог отказаться от этих забот. Французский дворянин был обязан своим благо-

получием королю Ричарду, на службу к которому поступил несколько лет назад с разрешения Филиппа Августа. Движимый преданностью и благодарностью к славному господину, которому был обязан всем своим счастьем, он решил без устали скитаться по свету, пока не узнает судьбу этого государя.

Блондель уже объехал всю Европу, не добившись ни малейшего успеха: начав путешествие с Германии, он затем пересёк Италию, Францию и разные другие страны и наконец снова вернулся в Германию.

Довольно долго странствуя по всем её областям, он однажды оказался в австрийском городе Линце. Беседуя по обыкновению с хозяином постоялого двора, Блондель узнал, что неподалёку от города, у самого леса, стоит старинная, чрезвычайно крепкая башня, где содержат узника под неусыпной охраной. При этой вести Блондель вздрогнул: тайное предчувствие словно подсказало ему, что узник — король Англии. Отныне он думал лишь о том, как проверить свою догадку.

Он тотчас направился к подножию башни, один вид которой наводил ужас, познакомился с крестьянином, часто носившим туда съестные припасы, и принялся подробно его расспрашивать. Но, хотя Блондель щедро одаривал крестьянина, желая, чтобы тот ничего не скрывал, а добрый человек и в самом деле рассказал всё, что знал, ни имени, ни звания заключённого он назвать не мог. Он сообщил лишь, что уз-

ника стерегут с большой строгостью и тот ни с кем не общается, кроме смотрителя и его слуг. Ещё крестьянин сказал, что единственное развлечение заключённого — довольно часто смотреть на окрестности сквозь маленькое зарешечённое окошко, через которое только и проникает свет в его покои. Затем он по-своему описал всю башню: по его словам, это было страшное жилище, и во всех комнатах и на лестницах царил такая тьма, что даже днём приходилось ходить с факелами.

Блондель с величайшим вниманием выслушал крестьянина и постарался воспользоваться его рассказом. Но сколько он ни переодевался и как ни ломал голову, разгадка оставалась недоступной.

Однажды, прогуливаясь у леса со стороны башни, он услышал, как кто-то кашлянул у того самого окошка. Надеюсь, что это его дорогой господин, Блондель горел желанием увидеть лицо узника, однако узкое зарешечённое окно находилось так высоко, что не оставляло ему никакой надежды. Блондель понимал, что и расспросить заключённого невозможно: чтобы тот его услышал, пришлось бы говорить необычайно громко. Это непременно заметили бы стражники и смотритель башни, и у них возникли бы подозрения. Между тем, чтобы действительно помочь узнику, следовало скрыть малейшее намерение тайно общаться с ним.

При всём волнении, вызванном этими мыслями, Блондель не потерял присутствия духа. Он вспомнил, что когда-то со-

чинил начало песни, к которой король Англии дописал последние пять строк. Он знал, как забавляла государя эта игра ума, и не сомневался, что, где бы тот ни находился, он сохранил её в памяти. Блондель счёл это верным средством узнать, не король ли Ричард заключён в башне. Воодушевлённый этой мыслью, он, несмотря на тревогу, сумел совладать с голосом и громко, приятно пропел четыре строки:

Пусть будет Кориза со мною сурова —
Останусь навеки в плену её чар.
Она равнодушна к любви моей, горда,
Но всё же не любит она никого.

Пропев эти четыре строки, Блондель внезапно умолк и с восторгом услышал, как голос из маленького окна подхватил песню с того самого места, где он остановился:

Раз и с соперниками не желает говорить,
Мне лучше век терпеть её суровость,
Чем воздыхать о тех красавицах,
Что нежным выбором своим льстят сразу
Пяти или шести влюблённым.

Блондель был вне себя от радости: и эти стихи, и звук только что услышанного голоса убедили его, что в башне заключён король, его господин. Теперь он думал только о том, как проникнуть внутрь. Для этого он переоделся ещё тща-

тельное прежнего и стал собирать сведения о зрителе и его семье. Он узнал, что у того есть горячо любимая дочь, которую отец очень желает обучить пению; узнал также, что один из слуг зрителя опасно болен и хозяин ищет ему замену.

В одежде, приличествующей его вымышленному званию, Блондель пришёл предложить зрителю свои услуги и не забыл сказать, что знает музыку. Его лицо так понравилось всей семье, что его тотчас приняли; в тот же день новый хозяин взял его с собой отвести еду узнику, которого Блондель так страстно желал увидеть.

Какой восторг испытал верный Блондель, узнав величественные черты великого короля, к которому чувствовал столь горячую привязанность и живую благодарность! Песня Блонделя пробудила в короле множество воспоминаний о нём; едва увидев вошедшего, он узнал его и обрадовался едва ли меньше своего преданного любимца. Но оба сумели отлично скрыть от зрителя свои чувства.

Зритель, человек от природы весьма ленивый, вскоре целиком поручил Блонделю ходить в комнату узника и доставлять ему всё необходимое. Он вполне доверился новому слуге, казавшемуся ему умным и рассудительным; к тому же он был настолько уверен в надёжности замков башни и верности стражи, что считал всякую возможную попытку освободить заключённого заранее обречённой на неудачу. Он ограничился тем, что сказал Блонделю: перед ним

государственный преступник, за которым велено особенно тщательно смотреть; впрочем, человек он весьма кроткий и учтивый, и смотритель охотно заботится о том, чтобы тот ни в чём не нуждался.

Наконец Блондель испытал трогательное счастье поговорить с королём наедине; у ног своего господина он едва не умер от радости. Государь ласково поднял его, нежно обнял и наговорил ему множество добрых слов. Ричарду не терпелось узнать, как Блондель разыскал его темницу и каким образом проник внутрь. Тот в нескольких словах обо всём рассказал; заверив короля, что у него ещё немало верных подданных в Англии и что, как только о нём появятся достоверные известия, сторонники его брата, несомненно, рассеются, он спросил, какое несчастное приключение лишило государя свободы.

— Причиной тому было удивительное вероломство, — ответил король. — Но, дорогой Блондель, тебе нельзя оставаться со мною так долго, чтобы не заподозрили нашего тайного сговора; я расскажу тебе об этом в другой раз.

Блондель согласился и удалился. Но его музыкальные дарования вызывали восхищение у всех обитателей башни: он не только приятно пел, но и искусно играл на цистре и клавикорде. Король притворился, будто тоже был ими поражён, и попросил смотрителя позволить Блонделю почаще приходить к нему петь и играть, чтобы хоть немного, как он говорил, облегчить тоску заключения. Смотритель охотно согласился; с тех пор никто уже не удивлялся долгим посещениям Блонделя.

Тот проводил время отнюдь не в музыкальных занятиях: он жадно внимал словам своего славного господина и отвечал на его вопросы. Желая удовлетворить его настойчивое стремление узнать, как король попал в плен, государь однажды начал такой рассказ.

— Вскоре после отъезда короля Франции у меня произошла серьёзная ссора с Леопольдом, герцогом Австрийским. Счастье, позволившее мне столь быстро завоевать Кипрское королевство, и слава, которую я стяжал, разделив с французским королём успех христианского оружия в Сирии, возбудили в сердце Леопольда тайную зависть. Он довольно часто невольно выдавал её, стараясь прикрыть иными предложениями; так было и во время нашей ссоры. Хотя герцог во всём был

неправ, он пришёл в такую необычайную ярость, что казался безумным. Поскольку справедливость была на моей стороне, все находившиеся в Палестине государи и знатные крестоносцы поддержали меня, а вспыльчивый Леопольд, никого не предупредив, внезапно уехал в Германию.

Император, как тебе известно, уже давно был моим непримиримым врагом. Австрийский герцог, искавший лишь случая повредить мне, разжёг его ненависть, рассказав, будто при взятии Акры князьями-крестоносцами мои воины уничтожили императорские гербы во многих местах города, чтобы поставить вместо них мои. Император и герцог задумали против меня тысячу способов мести и решили употребить всё для их осуществления. Они послали своих людей обратно в Палестину и большими деньгами подкупили Варнери, одного из моих слуг. Все эти подробности стали мне известны таким путём, о котором я расскажу чуть позже.

Между тем все государи-крестоносцы по-прежнему оказывали мне уважение и почтение, доставлявшие мне немалую славу, и доверяли моему руководству, что во многом способствовало успеху наших предприятий. Взятие Газы, взятие Яффы и великая победа над Саладином прославили нас по всей Азии и Европе. Я уже готовился идти осаждать Иерусалим, когда получил известие о смутах в Англии. Ты можешь представить, как огорчили меня эти несчастные мятежи: необходимость моего присутствия в королевстве заставляла прервать завоевания в Палестине. Ты

знаешь, что самые преданные из моих английских подданных писали мне, убеждая поскорее вернуться; ты, несомненно, помнишь, что и сам был не последним среди тех, кто горячо уверял меня в крайней необходимости возвращения.

Итак, я решился уехать. Заключив перемирие с Саладином и передав графу Шампанскому заботу обо всех делах в Азии, я сел на корабль. Но сильная буря отнесла нас к Далмации и выбросила на её берега. После кораблекрушения мне пришлось продолжать путь через Германию, и я переоделся, чтобы пересечь её неузнанным. Свита моя уменьшилась до нескольких человек, и, зная неприязнь императора и австрийского герцога, я счёл такую предосторожность благоразумной.

Однако она оказалась бесполезна: изменник Варнери общал герцогу обо всех моих передвижениях. Несмотря на купеческое платье, меня схватили неподалёку от Вены, в лесу, далеко от деревни, куда Варнери отослал всех моих людей под разными предлогами, касавшимися моей службы, а сам остался со мной один. Напрасно я пытался обороняться от людей Леопольда: несмотря на сопротивление, они окружили меня и взяли в плен. Едва вероломный герцог получил надо мною власть, как передал меня императору; я тщетно просил того о встрече — он так и не согласился её дать.

Я чуть не забыл сказать, что, когда меня передавали из рук Леопольда в руки императора, я случайно подслушал разговор герцога с Варнери. Из него я узнал обо всей измене этого

вероломного слуги, который собирался сообщить императору новые сведения обо мне.

Тем временем я написал императору, что, хотя я не воюю ни с ним, ни с австрийским герцогом и моё задержание совершенно противно доброй вере и праву народов, я всё же добровольно подчинюсь судьбе и сполна заплачу назначенный выкуп. Я лишь просил определить его поскорее, потому что неотложные дела призывают меня обратно в мои владения. Император не удостоил моё письмо ответом и дерзко велел передать, что не намерен ограничить свою месть столь лёгким наказанием, как уплата выкупа. Поскольку он полновластно распоряжается моей судьбой и никто в мире не знает, что со мной стало, он заставит меня провести всю жизнь в темнице, так что ни друзья, ни подданные никогда не получат обо мне известий.

Поначалу этот жестокий ответ глубоко меня опечалил. Но затем я возложил упование на небесное покровительство и убедил себя, что справедливое Небо не позволит мне провести все дни в мрачной темнице: ведь я никогда не совершал поступка, заслуживающего такой участи. Я стал надеяться, что Провидение каким-нибудь образом избавит меня от плена. Ты знаешь, по природе моей я не склонен предаваться чрезмерной печали; поэтому довольно долго я стойко переносил свою судьбу и даже старался скрасить тюремную тоску, сочиняя разные сказки и небольшие любовные истории в том же роде, в каком, как тебе известно, писал в ранней

юности.

Но при всей моей склонности надеяться на лучшее при любом обороте событий, при всей природной твёрдости, долгое заточение и неизменная невозможность известить друзей наконец истощили моё терпение. Месяцы шли, а печальная участь не менялась. Прошёл год, всё оставалось по-прежнему; и вот уже несколько месяцев я с болью понимал, что близится к концу и второй. Столь долгая череда несчастий одолела силу моего духа, и, если бы не твоё появление, я впал бы в крайнее отчаяние.

Но раз Небо благоволило вновь приблизить ко мне столь великодушное и преданное сердце, как твоё, я намерен целиком вернуться к своей природной жизнерадостности. Я чувствую, как оживает надежда, и уверен: благодаря твоим заботам я скоро вновь обрету свободу.

Блондель отвечал на ласковые слова короля с равным умом и усердием. Затем он подробно изложил государю положение дел в королевстве. Он рассказал обо всех поступках английских вельмож, сохранивших верность Ричарду, и столь же обстоятельно описал тайные происки и открытые сговоры тех, кто был охвачен мятежным духом. Потом, желая по великодушию оправдать графа Мортена, он продолжал:

— Уверяю вас, государь, ваш брат вовсе не имел заранее обдуманного намерения собирать сторонников против вашей власти. Дерзость канцлера, уже наказанная справед-

ливостью ваших распоряжений и усердием ваших баронов, сначала почти против воли вовлекла графа Мортена в волнения; затем тайные уговоры французского короля и его блестящие обещания окончательно склонили графа к некоторым действиям, противным должному вам повиновению. Но видно, что ему самому стыдно за своё заблуждение: ведь он участвует в мятежных кознях лишь тайком, а разум заставляет его публично отречься от несправедливых шагов, на которые скрытно толкает слепое честолюбие.

— Незачем тебе оправдывать передо мной честолюбивые заблуждения графа Мортена, — ответил Ричард. — Как только я стану свободен и вновь обрету всю свою власть, я буду слушать лишь голос родственной привязанности, говорящий в пользу брата. Прекрасно будет простить его тогда, когда он уже не сможет мне повредить. Но пока я в плену и в Англии существует мятежная партия, я желаю, чтобы все верные подданные смотрели на графа Мортена как на человека, неблагодарного своему брату и восставшего против своего короля, и обращались с ним соответственно.

— Верно, государь, — возразил Блондель, — ваши доброта и великодушие вдвойне увеличивают вину графа перед вами. Ни один король никогда не осыпал брата таким множеством знаков любви и столь великолепными благодеяниями, как вы — этого принца. Все помнят, что несколько неосторожных поступков, к которым его подтолкнула слишком легкомысленная юность ещё при жизни покойного короля, ва-

шего отца, лишили его благоволения монарха. Тот захотел наказать его, не дав никакого удела, отчего по всей Европе за ним закрепилось неприятное прозвание Иоанна Безземельного. Все помнят и то, государь, что, взойдя на престол, вы не просто одарили этого принца богатствами и титулами, но буквально засыпали ими. Никто не забыл, что, помимо графства Мортен и владений, завоёванных вашим отцом в Ирландии, вы дали ему графства Кормеал, Ден, Сомерсет, Дорсет, Ноттентингем и Ланкастер⁵. Обширность его владений едва не сравнялась с могуществом и славою короны.

Но, государь, именно ваша доброта к графу Мортену должна склонить вас к снисхождению. Всем счастьем своей жизни этот принц обязан вам; вам будет отрадно сохранить дело собственных рук. Блеск его судьбы создан вашей щедростью — покой его дней станет плодом вашего милосердия.

— Подумаем прежде о том, как дать мне возможность проявить это милосердие, — ответил король. — Но скажи, что делает среди всех этих смут королева, моя мать? Не слишком ли она огорчена их размахом? И королева, моя сестра, не страдает ли тоже?

— Королева-мать, — продолжал Блондель, — по-прежнему полна любви и преданности к вам. Для пользы ваших дел следовало бы пожелать, чтобы она имела над мятежниками всё то влияние и власть, которые должна была бы иметь. Что

⁵ Формы «Кормеал», «Ден» и «Ноттентингем» передают написания *Corrneal*, *Den*, *Nottentingham* в выбранном издании. [Вернуться к тексту](#)

до королевы Сицилии, то, хотя дерзость бунтовщиков весьма её печалит, ещё сильнее она страдает от неизвестности о судьбе такого брата, как вы, которому столь многим обязана. Но, государь, вы не спрашиваете меня о королеве Алазии.

— Не давай принцессе Алазии титула королевы, — сказал Ричард. — Ты знаешь, что она сама не пожелала бы его носить, если бы вместе с этим титулом ей пришлось действительно называться моей супругой.

— И всё же, государь, принцесса Алазия всегда, по-видимому, принимала большое участие в успехах вашего оружия. Но, — продолжал Блондель с улыбкой, — если вы не спешите спрашивать о французской принцессе, спросите по крайней мере о наваррской: не могу поверить, чтобы все ваши сирийские победы или утрата свободы заставили вас забыть прелести очаровательной Беренгарии.

— Признаюсь тебе, — ответил король, — я по-прежнему воздаю должное красоте наваррской принцессы, как делал это всю жизнь. Но ты весьма ошибаешься, дорогой Блондель, если воображаешь, будто эта красота, при всём своём блеске, когда-либо тронула моё сердце.

— Как, государь! — воскликнул Блондель. — Значит, не принцесса Наваррская причина того, что вы не желаете связать себя вечным союзом с принцессой Французской?

— Нет, — сказал король. — Принцесса Беренгария никогда не имела ни малейшей власти над моим сердцем, хотя королева, моя мать, неизменно желала видеть её там полновластной госпожой. Чтобы окончательно рассеять твоё заблуждение, я готов сегодня доверить тебе тайну: знай, что прелестная принцесса Фландрская, супруга счастливого графа Эно, — единственная, кто когда-либо внушил мне лю-

бовь; лишь священный союз с нею сделал бы мою жизнь счастливой. Теперь, когда мои чувства тебе известны, — прибавил Ричард, — твой черёд рассказать мне всё, что ты знаешь об этой обожаемой графине.

— Узнав, что предмет вашей нежности — графиня Эно, — ответил Блондель, — я глубоко вам сочувствую, государь: графиня кажется весьма привязанной к мужу и живёт с ним в совершенном согласии. Правда, при всей её красоте, в лице и во всех движениях видна какая-то томность, которая могла бы быть следствием несчастной любви. Поэтому я весьма склонен думать, что прекрасная графиня нежно любит вас и, отдавая вам всю сердечную склонность, привязана к супругу лишь теми чувствами, какие внушает ей добродетель.

— Увы! — воскликнул король. — Ты угадал! Именно это и составляет мою радость и мою боль в столь нежной любви. Я знаю, что обожаемая мною принцесса разделяет мои страдания, знаю, что она тайно вздыхает о роковых узах, связавших её с другим. Но, испытывая тысячу отрад оттого, что желания этой удивительной женщины обращены ко мне, я в то же время смертельно страдаю от печали, которой она предаётся. Я знаю: её щепетильная добродетель заставляет её беспрестанно укорять себя за то, что она не может примирить сердце с супружеской верностью.

— Я действительно заметил её глубокую печаль, — продолжал Блондель. — Недавно я побывал при её дворе, и тайна, которой вы сейчас меня удостоили, заставляет меня об-

думать то, чему там я не придал значения. Графиня с особенным волнением спрашивала меня о вашей участи. Когда я ответил, что мы по-прежнему пребываем в мучительной неизвестности о вашей судьбе, она умолкла и казалась совершенно подавленной. Тогда я не уделил этому того внимания, какого оно заслуживало; теперь же я убеждён, что вы более, чем когда-либо, дороги прелестной графине Фландрской.

Думаю, государь, вы догадываетесь, — продолжал Блондель, — почему теперь дают это имя принцессе, которую вы любите. Как только в Европе достоверно узнали, что Филипп, граф Фландрский, умер в Азии, Бодуэн, граф Эно, увидев, что его супруга наследует эту прекрасную державу после смерти брата, не оставившего детей, отказался от прежнего титула и стал именоваться графом Фландрским. Все восхищаются судьбой графа Бодуэна, которого счастливая звезда сделала мужем столь прекрасной принцессы и столь богатой наследницы. Но те, кто превозносит его счастье, не знают, что он не владеет сердцем своей очаровательной супруги: оно исполнено лишь образом великого короля Ричарда.

— И что же мне от нежности её чувств! — воскликнул государь. — Ведь ради её чести, которая при чистоте моей любви дороже мне собственной, я не смею даже стремиться к счастью.

— Надо надеяться, — сказал Блондель, — что судьба устроит события вам на пользу. И вы, и графиня Фландр-

ская обладаете слишком многими добродетелями и привлекательными качествами, чтобы всю жизнь терпеть несчастья. Несомненно, Небо покровительствует столь благородной и невинной любви.

— Дай справедливое Небо, чтобы ты оказался прав! — вновь воскликнул король. — Мне отраднo в это верить. Ты знаешь, как легко я отдаюсь надежде; сегодня я охотно предамся самым приятным её видениям. Мой ум и моё сердце, смертельно утомлённые страданиями, причинёнными отчаянием, жадно хватаются за всё, что обещает счастливое будущее. Я даже попытаюсь развлечься воспоминаниями о прошлом: верну в память сладостные часы, когда мы с тобой беседовали об истории и поэзии, и вновь припомню столь изящные и нежные стихи, которые ты показывал мне, сочинив их для юной Бертелиды. Но скажи, — добавил Ричард, — что стало с этой очаровательной девушкой? Удалось ли тебе наконец победить её равнодушие?

— Государь, — ответил слегка смущённый Блондель, — мне предстоит рассказать вам о стольких важных вещах, касающихся вашей службы, что вы, конечно, позволите не тратить на пустяки, относящиеся ко мне, те драгоценные минуты, которые мне дозволено проводить подле вас. Я уже начинаю думать, что сегодня, быть может, задержался слишком долго; надо оторваться от этого счастья, чтобы сохранить возможность вновь его испытать.

— Я согласен отпустить тебя, — сказал Ричард, — когда

ты ответишь, не знаешь ли, что стало с графом Эстанфором, которого Варнери удалил от меня в тот час, когда меня взяли в плен.

— Нет, государь, — ответил Блондель, — о графе нет никаких известий, что меня весьма огорчает.

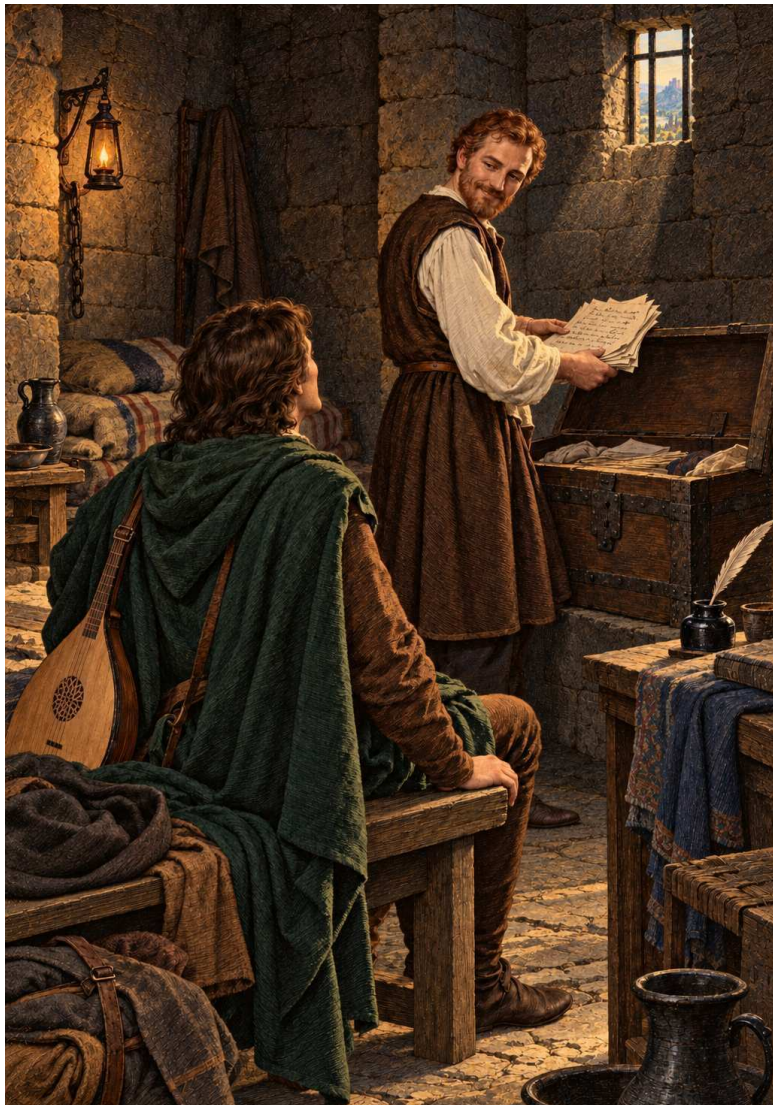
Сказав это, Блондель оставил короля и отправился исполнять обязанности, которые налагало на него принятое положение в доме смотрителя. Он всё более приобретал уважение этого человека и всей его семьи и за короткое время добился столь полного доверия, что, даже если бы его видели проводящим у узника по полдня, это не вызвало бы ни малейшего беспокойства. Блондель умело пользовался благоприятным расположением. Однако, сколько он ни хлопотал, какие тайные попытки ни предпринимал, чтобы найти способ освободить Ричарда, ему не удавалось заметить ни малейшей возможности для побега. Счастье его ограничивалось отрадой утешать государя и порой в беседах заставляя его забывать о печалях и неудобствах ужасной темницы.

Однажды, зная, что сможет надолго остаться с этим героическим господином, он сказал:

— Я не забыл, государь, что вы изволили рассказать мне, как сочинили в этой тёмной башне разные сказки и небольшие истории. Надеюсь, та же доброта, которая прежде побуждала вас знакомить меня с превосходными плодами вашего ума, и теперь склонит вас удостоить меня этого знака благоволения.

— Признаюсь, — ответил король, — я с удовольствием прочту или расскажу тебе все истории разного рода, которые сочинил здесь. Меня никогда не лишали того, что нужно для письма; это занятие стало для меня большим утешением. Уверяю тебя, если бы доставляемое им развлечение не поддерживало меня, бывали минуты, когда я умер бы от тоски. Итак, я поделюсь с тобой единственными радостями, какие позволял мне вынужденный досуг.

После этих слов король рассказал Блонделю сказку, всё содержание и существо которой я теперь передам. Но я не сохраню ни её прежних выражений, ни слишком пространных повествований; позволю себе добавить несколько небольших размышлений и вместе с тем исключу разные обстоятельства, которые не пришлись бы по вкусу нашему веку. Итак, далее говорит не король Ричард, а я.

Рикден-Рикдон

Сказка

В одном из прекраснейших королевств Европы, название которого, однако, историки не сообщают, царствовал государь, своей справедливостью, душевной прямоотой и отеческой любовью к подданным заслуживший почётное прозвание Короля Честного Человека. В те времена это в точности означало: король, исполненный честности и чести. Супруга его также обладала многими добродетелями. Поскольку эта государыня, от природы живая и деятельная, беспрестанно занималась каким-нибудь приятным трудом, народ прозвал её Королевой Труженицей. У короля и королевы был единственный сын, в душе не менее склонный к добродетели, чем его родители. Но юный принц, унаследовавший живость матери и пока не имевший определённых занятий, искал их в удовольствиях. Он так любил балы, зрелища, конные состязания и пышные охоты, словом, с таким усердием стремился ко всему, что доставляло приятные развлечения, что получил прозвание Принца Веселолюба.

Король и королева, видя невинность занимавших его удовольствий, не противились этой склонности и полагали, что

несколько чрезмерная горячность, с которой он изыскивал развлечения, пройдёт вместе с первой молодостью. В остальном принц был весьма хорош собой и всеми поступками показывал, что в его уме проницательности не меньше, чем пыла.

Всех удивляло, что столь живой молодой принц ещё не влюблён и не причисляет сердечные забавы к тем удовольствиям, на которые так отзывчив. Но только изящные празднества и охота были предметом его желаний; только они доставляли ему наслаждения, казавшиеся особенно заманчивыми своей необычайной новизной и разнообразием. Порой, преследуя оленя, он отрывался от свиты, а иногда, прежде чем успевал кого-нибудь из своих людей найти, испытывал такой сильный голод, что заходил к первому сельскому дворянину или крестьянину, встретившемуся на пути. Обычно он не открывал своего имени, и потому с ним часто случались странные приключения, которые его чрезвычайно забавляли и о которых он с величайшим удовольствием рассказывал отцу при дворе.

Однажды, снова отстав от своих людей, принц пересекал деревушку, казавшуюся безлюдной, и увидел, как из деревенского сада вышла девушка ослепительной красоты. Безобразная старуха с силой тащила её к крестьянскому дому, стоявшему напротив сада, по другую сторону дороги.

У девушки сбоку была прялка со льном, а в подобранном подоле — охапка цветов, только что сорванных в саду. Ста-

руха вырвала цветы, швырнула их посреди дороги, несколько раз довольно сильно ударила красавицу, затем снова схватила её за руку и яростно сказала:

— Ну же, ну, негодница, живо в дом! Там я как следует покажу тебе, что значит иметь дерзость меня ослушаться!

Принц, сразу остановившийся при виде этой сцены, пошёл к старухе, когда та уже собиралась войти, и ласково спросил:

— За что, добрая женщина, вы так жестоко обращаетесь с этой девушкой? Какую вину она совершила, чтобы навлечь на себя подобный гнев?

Крестьянка, от природы очень вспыльчивая и не любившая чужого вмешательства, уже приготовилась ответить дерзостью. Но, взглянув на необычайно богатую одежду принца и решив, что перед нею человек весьма высокого положения, она сдержалась и ограничилась кислым ответом:

— Сударь, я браню дочь за то, что она всегда делает наперекор моим словам. Я хочу, чтобы она не прядла, а она прядёт с утра до вечера, да ещё с таким проворством, какого ни у кого не найдёшь. И все мои выговоры, которые вы слышите, только за то, что она слишком много прядёт.

— Как! — сказал принц. — Разве это повод так бранить бедное дитя? Право, добрая женщина, если вы терпеть не можете девушек, любящих прядь, отдайте свою дочь королеве, моей матери. Она сама находит большое удовольствие в этом занятии и очень любит искусных прях. Королева устро-

ит счастье вашей дочери.

— Ах, сударь! — ответила старуха. — Если эта притворщица со всей её ловкостью кажется вам такой подходящей для нашей доброй королевы, забирайте её хоть сейчас, коли желаете. Давно уже она мне в тягость, и давно я хочу от неё отделаться.

Не успела она договорить, как часть свиты принца нагнала его. Он велел одному из камердинеров посадить красавицу позади себя на лошадь. Лицо девушки всё ещё было залито слезами, вызванными угрозами старухи, но слёзы несколько не уменьшали её очарования. Принц старался утешить её, уверяя, что с таким мастерством она непременно заслужит щедрые милости королевы.

Однако бедная девушка была так растеряна, оказавшись среди множества мужчин, что не слышала и половины обращённых к ней слов. Мать смотрела ей вслед, ничем не проявляя участия в её судьбе. Зато жители деревушки не могли наглядеться на неё среди всех этих господ в расшитых золотом одеждах. От младших служителей принца они узнали, что её везут к королеве, отчего все молодые крестьянки стали завидовать её участи.

По дороге принц узнал, что красавицу зовут Розани. Едва приехав во дворец, он представил её матери как самую искусную и проворную пряжу во всём королевстве. Королева приняла её ласково, внимательно рассмотрела и даже весьма похвалила скромную, трогательную красоту девушки. Это

немало уязвило некоторых придворных дам, гордившихся своей совершенной наружностью.

Королева поселила Розани в покоях, за которыми тянулась целая вереница комнат, наполненных грудami самых прославленных в мире волокон для пряжи. Здесь была сирийская конопля и лён с острова Итаки, бретонская конопля, пикардийский и фландрский лён и даже тот знаменитый негорючий лён, из которого делают чудесную ткань, не повреждаемую самым жарким огнём. Розани сообщили как радостную весть, что она может сама выбрать, с какого волокна начать, а затем прибавили, что, в сущности, ей должно быть всё равно: поскольку она очень молода и искуснее других, королева, желая надолго оставить её при себе и щедро облагодетельствовать, предназначает ей спрядь всё это.

Когда бедная девушка осталась одна, она предалась жесточайшему отчаянию. К прядению она испытывала непреодолимое отвращение; необходимость провести за этим занятием несколько часов казалась ей ужасной пыткой. Правда, когда она находила в себе мужество сделать над собой усилие и некоторое время поработать, она справлялась с бесконечным искусством. Нить у неё выходила совершенно ровная и тонкая. Но прядла она так неимоверно медленно, что, даже заставив себя усидеть за работой с утра до вечера, едва смогла бы натясть за день половину веретена.

Зная её склонности, нетрудно понять, как мучили девушку возложенные на неё надежды королевы. Она не понима-

ла, как выпутаться из затруднения, в которое её бросила материнская злоба. Между тем она была счастлива вырваться из рук матери, не знавшей по отношению к ней ничего, кроме варварской жестокости. Ласковая доброта королевы очаровала её воображение. Двор, куда она только что попала и который успела увидеть лишь мельком, уже казался ей во всех отношениях приятным местом; всё, что представилось её глазам, восхитило её. Но Розани ясно видела: удержаться при дворе она сможет лишь как искусная пряха, а нужного для этого дара у неё никогда не будет.

Поглощённая мучительной тревогой, она за всю ночь ни на миг не сомкнула глаз. Принц спал не больше: трогательная красота и простодушная прелесть Розани так поразили его взор и так глубоко проникли в сердце, что всю ночь он думал об этой очаровательной девушке.

Как только у королевы начался день, она послала за Розани. В то утро государыня одевалась в присутствии многочисленного общества; когда девушка вошла, множество дам жадно впились глазами в её лицо. Король, ещё не видевший её и находившийся в эту минуту у супруги, внимательно рассмотрел молодую красавицу и высказал ей несколько похвал. Принц, тоже присутствовавший здесь и думавший о ней гораздо больше доброго, чем его отец, тем не менее сказал куда меньше.

И действительно, несмотря на простой фиолетовый корсаж и деревенскую причёску, Розани очаровывала всех, кто

на неё смотрел. Стройность её стана соединялась с такой свободой движений, что, вопреки деревенскому воспитанию, в ней не было ничего неловкого. Прекрасные пепельно-русые волосы обрамляли алебастровый лоб, под которым сияли большие голубые глаза, равно полные кротости и живости. Нос был безупречно соразмерен лицу; маленький рот имел приятные очертания — словом, был именно таков, каким должен быть для совершенной красоты; зубы были чудесны, кожа — ослепительно бела, а лёгкий румянец придавал ей весь возможный блеск. И при всей правильности черт и свежести красок на лице и во всём облике девушки жила ещё та пленительная прелесть, то невыразимое «нечто», которое служит оружием красоты.

Хотя Розани не спала всю ночь, утомлённой она не казалась. Смущение оттого, что она открыта взорам многочисленного двора, вызывало румянец, лишь сильнее оттенявший каждую её прелесть. Видно было, что занятие пряжи, удерживавшее её под крышей, уберегло лицо от губительно-го загара.

Все дамы, притязавшие на красоту, испытывали к Розани сильнейшую досаду и старались найти недостатки в её лице и стане. Молодые повесы строили на её счёт тысячу нелепых замыслов; словом, по разным причинам она привлекала внимание всего двора.

Уходя, король посоветовал супруге дать прекрасной пряже другое платье: её наряд был слишком странен и слишком отличался от одежды остальных девушек королевского дома. Королева ответила, что уже думала об этом. И действительно, через несколько часов Розани принесли очень опрятное платье и головные уборы, вполне отвечавшие моде двора Короля Честного Человека. Женщины королевы заботливо одели и причесали девушку, а затем подробно показали, как впредь самой правильно располагать на себе все эти украшения.

Новый наряд чудесно ей шёл. В таком виде она явилась в храм, где её увидел принц. Он нашёл её прекраснее прежнего и, стоя позади, громко расточал безмерные похвалы. Все придворные, не видевшие Розани у королевы, разглядывали её с нетерпеливым любопытством. Поскольку множество людей не запомнило её имени, а король назвал её Прекрасной Пряхой, это лестное прозвание за ней закрепилось. Не прошло и суток, как она вошла в такую моду, что ни при дворе, ни в городе не бывало разговора без упоминания Прекрасной Пряхи.

Но пока сотни молодых красавиц, устав беспрестанно о

ней слышать, завидовали её счастью и славе, сама девушка, вызывавшая столько ревности, переживала весьма печальные минуты. В первый день во дворце, чтобы уклониться от ненавистного прядения, она сказала, что у неё сводит пальцы. В течение дня радость от богатого наряда и удовольствие слышать бесчисленные похвалы своей красоте отвлекли её от тревоги о предназначенном ей тягостном труде.

Большинство женщин королевы были уже немолоды и не притязали на красоту. Они сразу полюбили Розани, а девушка отвечала им величайшей послушностью и приветливостью. Они водили её по всему дворцу и даже по разным местам города, что весьма развлекало новую обительницу двора, не привыкшую видеть подобную роскошь. Но вечером, вернувшись в роковые покои, наполненные волокном для пряжи, она при одном ненавистном зрелище снова погрузилась в отчаяние. Всё же ей удалось несколько успокоиться, и спала она гораздо лучше, чем в предыдущую ночь.

Наутро, едва поднявшись, Розани принялась надевать прекрасные обновы, подаренные королевой. Но уроки королевских женщин о том, как придать им изящный вид, совершенно не удержались у неё в памяти. Она никак не могла расположить их хотя бы сносно, хотя более двадцати раз распускала волосы и переодевалась, пытаясь добиться успеха. Наконец, после стольких тщетных усилий, она осталась причёсанной и одетой вкривь и вкось, совершенно нескладно.

Огорчённая неудачей, она захотела вознаградить себя

успехом в другом деле: положила волокно на прялку и села прясть. Но рука работала так же медленно, как всегда. Несмотря на все старания, с десяти часов, когда она закончила одеваться, до половины первого с лишним, когда ей передали приказ королевы показать работу, Розани не напряла и четверти веретена.

Услышав приказ, она обильно заплакала, а затем вновь стала придумывать правдоподобную отговорку. Представ перед королевой с удручённым видом, Розани сказала, что в отчаянии: сильный ревматизм совершенно сковал её руку и не даёт работой доказать своё усердие. Она прибавила, что всеми силами пыталась превозмочь болезнь, двадцать раз безуспешно бралась за прялку и веретено, но при всём упорстве за десять приступов к работе смогла напрясть лишь ту малость, которую показывает королеве.

Трудолюбивая государыня нашла нить удивительно хорошей, что утвердило её в высоком мнении об искусстве Розани. По доброте своей она пожалела девушку, велела не утруждать руку и добавила, что покажет её своему главному лекарю. Розани, дрожа от страха, как бы не обнаружилось, что у неё ничего не болит, сказала, что недуг не требует лекарства и наверняка скоро пройдёт: всякий раз, когда он случается, ей достаточно отдыха.

Королева удовольствовалась этими объяснениями. Но едва Розани исчезла из её поля зрения, работницы государыни, сильно завидовавшие внезапным отличиям, оказанным но-

венькой, громко заговорили: судороги и ревматизм, конечно, болезни по заказу, а эта красавица, слывающая такой умелой и проворной, скорее всего, всего лишь неумеха и копуша.

Бедная Розани слышала эти речи и страшно огорчалась. В довершение несчастий девушки королевы и другие придворные дамы, видя, до чего нелепо сидят на ней платье и головной убор, раздражались хохотом. Они отпустили тысячу шуток о её фиолетовом корсаже и скрученном деревенском уборе, уверяя, что напрасно их у неё отняли: они шли ей куда больше, чем наряд благородной девицы.

Розани не выдержала стольких огорчений, покинула дворец, прошла в сады и, всё продолжая идти, оказалась в густом лесу на краю парка. Здесь усталость так сильно овладела ею, что она поспешно села на берегу быстрого ручья, извивавшегося среди деревьев. Там она предалась печальным мыслям о своей несчастной судьбе и о том, что ей делать.

Порой она решалась вернуться к матери, какой бы суровой и жестокой та ни была. Но, вспоминая дурное обращение, которое терпела с самой смерти отца, Розани укоряла себя за одну мысль о возвращении. К тому же, при всей молодости и неопытности, она чувствовала отвращение к деревенской жизни; воздух двора, которым она успела подышать совсем недолго, отнюдь его не уменьшил.

С другой стороны, она ясно видела, что навлечёт на себя гнев королевы, будет с позором изгнана из дворца и, быть может, наказана, когда государыня убедится, что её об-

манули насчёт прядильного искусства Розани. Правда вот-вот должна была открыться: все отговорки иссякли, больше нельзя было успешно притворяться больной судорогами и ревматизмом. Розани оставалось лишь ждать минуты, когда она станет посмешищем и игрушкой для всех, кто прежде ей завидовал.

Поглощённая этими мучительными мыслями, целиком отдавшись отчаянию, она решила, что ей не остаётся ничего, кроме смерти от собственной руки. Забыв усталость, она поднялась и направилась к очень высокому павильону на другом конце леса, который женщины королевы показали ей во время вчерашней прогулки. Павильон был открыт; Розани намеревалась подняться на самый верх и броситься из окна. Однако природная любовь к жизни, мысли о нежной юности и особенно тайное удовольствие от собственной красоты заставляли её оплакивать свою смерть. К роковому месту, где она обрекла себя погибнуть, девушка шла очень медленно.

Когда она проходила по тропинке к павильону, перед нею вдруг возник высокий темноволосый мужчина, очень хорошо одетый. Лицо его было довольно мрачным, но, заговорив, он принял приветливый и любезный вид.

— Куда вы идёте, прелестное дитя? — спросил он. — Кажется, у вас из глаз текут слёзы. Расскажите, какое горе вас постигло. Оно должно быть весьма необыкновенным, если я не смогу вам помочь.

— Увы! — ответила Розани. — От печали, которая меня подавляет, нет средства; потому совершенно бесполезно объяснять вам её причину.

— Быть может, помощь не столь безнадёжна, как вы думаете, — возразил незнакомец. — Но во всяком случае горе становится легче, когда о нём расскажешь. Поведайте же мне о ваших бедах: никому вы не могли бы их доверить, кто принял бы в них больше участия, чем я.

— Раз вы так настойчиво просите, — сказала Розани, — я расскажу вам всю свою историю.

— Я имела несчастье родиться в самом скромном состоянии. Отец мой был добрым крестьянином, человеком честным и рассудительным. Он приобрёл такое доверие жителей своей деревушки и соседних сёл, что они выбирали его судьёй во всех своих спорах. А поскольку он умел хранить тайну и никогда не спешил говорить, его прозвали Мало-Говорящим. Отец нежно любил меня. Когда-то он служил в войске и даже пользовался полным доверием своего капитана; поэтому ни в его речи, ни в манерах не было той отталкивающей грубости, какая свойственна людям, никогда не покидавшим деревни. С самого моего детства он всячески старался научить меня всему, что знал сам. Если я люблю добродетель и не совсем глупа, этим я обязана ему одному. Что до матери, то она ужасно груба и к тому же никогда не трудилась дать мне хоть какие-нибудь наставления. Она всегда относилась ко мне лишь с суровостью и неприязнью; вся её

нежность доставалась моему брату.

Несмотря на деревенскую жизнь и скудные познания, полученные при воспитании, я находила в себе чувства и склонности гораздо выше своего происхождения, низость которого приводила меня в отчаяние. Лишь черты собственного лица могли меня утешить: они рано внушили мне лестные надежды на будущее. Мне ещё не исполнилось двенадцати лет, а уже не встречалось ни источника, ни ручья, у которого я не любила бы вновь услышать уверение, что под соломенной крышей я, конечно, не останусь.

С такими мыслями я весьма презирала ухаживания молодых людей своего круга. Между тем едва мне пошёл четырнадцатый год, как несколько самых выгодных женихов, на которых могла рассчитывать девушка моего положения, попросили у отца моей руки. Но я пролила столько слёз, когда он говорил мне о них, и всякий раз так решительно заявляла, что смерть мне не страшнее подобных браков, что любовь ко мне удержала его от принуждения. Мать много бранилась и беспрестанно повторяла, что он портит меня слепым потворством моим желаниям. Но все её речи не делали отца строже ко мне; напротив, он часто упрекал её в том, что она меня не любит и дорожит лишь сыном.

Увы, вскоре мне пришлось убедиться в правоте этих слов. Отец отправился в путешествие, не открыв нам его цели, но уверив, что скоро вернётся. Должно быть, он погиб в этом несчастном путешествии, потому что срок назначенного возвращения давно миновал.

С тех пор как мать получила надо мною полную власть, нет дурного обращения, которого я от неё не испытала. Наконец два дня назад, жестоко выбравив меня за то, что я слишком мало напярала, она с гневными угрозами тащила меня в дом. В эту минуту мимо наших дверей проезжал сын здешнего короля и спросил, за что она так плохо со мною обращается. Мать насмешливо ответила: за то, что я слишком много пряду. Принц принял её слова всерьёз. А так как наша королева любит всякую работу и особенно любит, когда для неё прядут, он тотчас попросил мою мать отдать меня королеве. Та, счастливая избавиться от меня, немедленно передала меня его людям.

Королеве меня представили как лучшую и самую проворную пряжу во всём королевстве; между тем никто не был дальше от этих достоинств, чем я. Однако королева, убеждённая, что я ими обладаю, предназначила мне такое ужасное множество работы, что один её вид приводит меня в содрогание. Думаю, она собрала всё волокно для пряжи, какое когда-либо существовало на свете, чтобы им меня завалить. При страшной ненависти, которую я питаю к прядению, и моей медлительности я не знаю, с какого конца взять-

ся за столь скучный и изнурительный труд. А между тем у меня нет иного способа остаться при дворе, где я была бы так счастлива, кроме как работать на королеву.

Увы! Когда я впервые оказалась во дворце и услышала столько похвал своей красоте, ко мне вернулись мечты, которые ещё с детства внушало тщеславие. Я льстила себя надеждой, что какой-нибудь придворный вельможа или хотя бы королевский служитель полюбит меня настолько, что женится и разделит со мной своё благополучие. Несколько мгновений я даже воображала — ах, какая высокомерная мысль! — будто сам принц смотрит на меня влюблёнными глазами.

И что же от всего этого осталось? Лишь отчаяние оттого, что неумением одеваться я уродую дары природы, а из-за той же неловкости, не умея быстро прясть, буду с позором изгнана королевой и стану игрушкой для завистливых подруг, которых моя красота и зарождающееся благоволение ко мне заставляли дрожать.

Вы видите, добрый незнакомец, — продолжала Розани, — что от моих бед нет избавления. И всё же, — добавила она со вздохом, — я надеюсь избежать этих мучений одним гибельным средством, о котором умолчу.

— Но если вместо гибельного средства вам предложат кроткий и приятный способ избавиться от бед, — спросил незнакомец, — разве вы не будете обязаны своим помощникам? Разве не сделаете чего-нибудь для них?

— Всё, что разумно было бы сделать! — поспешно отве-

тила Розани. — Кроме чести и долга, нет ничего, чем я не пожертвовала бы из благодарности.

— Раз вы так настроены, — сказал незнакомец, — я с удовольствием возьмусь вам помочь. Но сначала точно условимся.

Посмотрите на палочку, которую я держу, и возьмите её в руку.

Розани взяла палочку и рассмотрела её. Она была совсем маленькая, из очень блестящего серовато-коричневого дерева, породы которого нельзя было определить, и украшена переливчатым камнем — ни агатом, ни сердоликом, ни каким-либо другим известным камнем. Назвать его было не легче, чем назвать дерево. Некоторое время полюбовавшись палочкой, Розани вернула её незнакомцу.

— Видите эту маленькую палочку? — сказал он. — Она обладает удивительными свойствами. Стоит коснуться ею любого льна или конопли, и она нарядит за день столько, сколько вы захотите, причём нить будет такой тонкой, какой вы пожелаете. Есть у неё и другой дар: едва прикоснувшись к шерсти, шёлку и канве, она создаёт прекраснейшие в мире шпалеры и вышивки мелким стежком, способные соперничать с изделиями лучших мастерских. Я одолжу вам эту чудесную палочку на три месяца, если вы согласитесь с тем, что я сейчас скажу.

Ровно через три месяца, день в день, я приду за палочкой. Если, возвращая её, вы скажете: «Возьмите, Рикден-дон, вот

ваша палочка», — я заберу её, и вы ничем не будете мне обязаны. Но если в назначенный день не сможете припомнить моё имя и скажете просто: «Возьмите, вот ваша палочка», — я стану хозяином вашей судьбы, уведу вас, куда пожелаю, а вы будете обязаны последовать за мной.

Розани некоторое время размышляла над ответом. Но имя Рикден-дон казалось ей таким лёгким для памяти, что она решила: принимая благотворную помощь палочки, она ничем не рискует. Её уже тайно радовала мысль о том, как она посрамит гордость соперниц прекрасной пряжей, которую создаст палочка.

Однако её тревожила ещё одна печаль. Она слишком дорожила преимуществами своей красоты, чтобы легко отказаться хотя бы от некоторых, и воображала, что неумелая причёска и дурно надетое платье лишают её значительной доли прелести. Поэтому ей было крайне больно думать о том, что во дворце она будет всегда оставаться столь нескладно причёсанной и одетой. Множество этих мыслей надолго задержало ответ. Наконец Розани сказала:

— Господин Рикден-дон, я приму ваш договор, если вы сможете добавить ещё одно условие. Мне хотелось бы, чтобы, помимо дара создавать прекрасную пряжу и вышивки, ваша палочка умела придавать причёске и платью всю ту изящную прелесть, какая нужна, чтобы нравиться. Если вы наделите и без того полезную палочку этим даром, который красавицам так же необходим, как пища, наш договор за-

ключён.

— Ах! — воскликнул Рикден-дон. — Нет ничего легче, чем исполнить вашу просьбу. Мои товарищи и я никогда не отказываем особам вашего пола в умении хорошо одеваться, стоит им хоть немного с нами поладить. Потому-то и встречаются на свете двенадцатилетние девочки, которые ничему другому научиться не могут, зато причёсываются с удивительным искусством и уже располагают мушку с таким же тонким расчётом, как пятидесятилетние женщины. Итак, обещаю: едва вы коснётесь моей палочкой причёски и одежды, в них засияют все прелести моды, всё изящество искусной мастерицы и, наконец, все те летучие чары, которые умеют пленять хороших мужчин.

— В таком случае я принимаю ваш договор, — сказала Розани.

— Но надо поклясться, — ответил её договорщик.

— Что ж, клянусь, — сказала она, — самыми нерушимыми клятвами.

— Раз так, — произнёс Рикден-дон, — и ваше обещание дано по всей форме, прощайте, красавица, до новой встречи!

С этими словами он вложил палочку ей в руку и удалился.

Получив в своё распоряжение таинственную палочку, Розани прежде всего коснулась ею причёски и платья. Затем она посмотрелась в ближайший ручей и нашла себя такой прекрасной и так изящно одетой, что осталась чрезвычайно довольна заключённым договором. Тогда она ещё отлично

помнила того, с кем его заключила, и, нежно поглядывая на услужливую палочку, с величайшим удовольствием повторяла себе, что совсем недорого приобрела очень полезную вещь.

Размышляя так, она всё шла и шла обратно ко дворцу. Ещё не дойдя до цветника, она встретила принца. Он не видел её в течение дня, но кое-кто из дурных шутников, которыми всегда полны дворы, уже поспешил рассказать ему о том, как неуклюже Прекрасная Пряха носит наряд благородной девицы. Принц без улыбки выслушал эти рассказы, но не посмел показать, насколько уверен в том, что Розани очаровательна в любой одежде: он слишком боялся выдать свои чувства.

Едва увидев её, он, как всегда, был пленён её красотой. Затем, рассмотрев наряд и убедившись, что тот безупречен, он обернулся к одному из незадачливых шутников, несколькими часами раньше утомившему его пресным рассказом, который сам рассказчик считал очень забавным. Принц осыпал его тонкими и колкими насмешками за клевету и безвкусицу. После этого он приветствовал Розани столь же учтиво, как приветствовал бы одну из самых знатных особ при дворе, а проходя мимо, любезно спросил, видела ли она игру фонтанов. Услышав, что нет, он сказал, что на следующий день прикажет пустить их для неё.

Глубоко присев, Розани удалилась в свои покои. Радость от обладания чудесной палочкой была так сильна, что в этом

восторге она забыла имя того, от кого её получила. Теперь счастье мешало ей спать так же, как горе в первую ночь, проведённую во дворце. Все часы, назначенные для сна, она занимала приятными мыслями, доставлявшими больше удовольствия, чем самые лестные сновидения.

Когда совсем рассвело, она встала, и палочка в один миг услужила ей так, как могла бы услужить любимая горничная самой искусной кокетки. Затем Розани поспешила испытать другое её свойство на небольшом пучке королевского льна. Силой зачарованного дерева он немедленно превратился в фунт нити, не уступавшей лучшей фландрской пряже.

Восхищённая успехом, Розани спрятала часть полученной нити, оставив для вечернего показа королеве лишь немногим больше того, что за день могла бы выпрясть самая прилежная и проворная работница на свете. Она сходила посмотреть на фонтаны, которые благодаря заботливым распоряжениям принца били лучше, чем за долгое время прежде. К исходу дня Розани стала ждать на пути королевы, собиравшейся на прогулку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.